

ПОЭТ И КРИТИКА

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Могла ли критика XX в. адекватно оценить лирику поэта Рюрика Ивнева? Ответ в целом отрицательный, поскольку на протяжении всего XX в. она была под воздействием общественно-политических факторов, важнейшие проблемы мировоззрения и исканий поэта были для нее недоступны. Лишь в начале XXI в., когда были опубликованы дневники Рюрика Ивнева, появилась возможность восстановления из их анализа замаскированного художественно-философского статуса его ранней поэзии [13].

Ключевые слова: имажинизм, критика, мировоззрение, статус, ранняя поэзия Р. Ивнева

POET AND CRITICISM

Isaev Gennady G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

Could the critics of the 20th century give a sound assessment of Ryurik Ivnev's lyrics? Overall, the answer is negative as in the course of the 20th century, they were influenced by social and political factors and the most important problems of the poet's worldview and strivings were out of their agenda. Only the analysis of Ryurik Ivnev's diaries that were published at the beginning of the 21st century, made it possible to reconstruct the disguised artistic and philosophical status of his early poetry [13].

Keywords: imaginism, criticism, worldview, status, R. Ivnev's early poetry

Поэтическое творчество Рюрика Ивнева первых лет XX в. (1907–1917) не было по достоинству оценено его современниками, но привлекало внимание текущей литературной критики и затем очень редко литературоведения последующих лет. Оно получало на протяжении всего XX в. одностороннюю интерпретацию как поэзия декадентская, далекая от проблем современности. Это было обусловлено социокультурной ситуацией в стране: особой направленностью критического сознания Серебряного века и засильем социологической критики в советский период истории русской литературы.

Период до 1917 г. был временем расцвета религиозно-философской и эстетической критики. Тон задавали Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский, С. Франк, В. Розанов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Белый, Вяч. Иванов. Чаще всего для статей названных метров был характерен последовательный, открытый и принципиальный субъективизм. По мнению одного из исследователей истории литературной критики дореволюционных лет, «З. Гиппиус завершала так называемое декадентство. По М. Бахтину, это снятие ответственности творчества как общественного действия, как поступка» [цит. по: 12]. Поэзия начинавшего тогда творческий путь Рюрика Ивнева развивалась в координатах экзистенциальных и экспрессионистских литературно-эстетических концепций начала XX в. и, казалось бы, должна была получить высокую оценку. Но этого, к сожалению, не произошло. Пример отно-

шения критики XX в. к творчеству поэта весьма показателен для литературы тех лет. Критика не узнала в нем «своего».

В предреволюционное десятилетие Рюрик Ивнев работал весьма активно. Им были изданы поэтические сборники «Самосожжение» (листы 1–3; М., 1913–1916), «Пламя пышет», «У пяти углов» (совместно с П. Эссом; оба 1913), «Золото смерти» (1916), а также лирическая «повесть в 20 рисунках» «Неизбежное» (1912), роман «Юность» (1912), рассказы «Сложное чувство» (1915), «Ее первый друг» (1916) и роман «Несчастный ангел» (1917), в котором мифологический сюжет противоестественной любви Федры к своему сынку Ипполиту перенесен в современность.

Почти каждая книга поэта оказывалась в центре внимания критики, диапазон оценок которой был очень широким. В его поэзии чаще всего видели своеобразную смесь декаданса и футуризма, «безалаберности», «нервной интимности» и грусти, резкие переходы от богостроительных поисков, религиозного экстаза, самобичевания и юродствующего смирения к эротизму. Поэтесса Вера Аренс назвала его «поэтом города, его неумолимых законов, его ужасов и грязи» [1]. В том же духе писал о поэзии Рюрика Ивнева Д. Выгодский: «Истерический Рюрик Ивнев, с акмеистическим уклоном, вносит в поэзию «бунтарские» религиозные экстатические элементы» [2]. Высоко оценивал поэзию Рюрика Ивнева М. Кузмин, считавший его самым талантливым из молодых поэтов [3]. Резко отрицательным был отзыв Г. Иванова на сборник «Пламя пышет» [4]. К. Чуковский относил Рюрика Ивнева к тем поэтам, которые «футуристами лишь притворяются, а на самом деле они «просто модернисты-эпектики» [5].

Критика обратила внимание на двойственность лирического героя Рюрика Ивнева. Один из рецензентов писал: «Под обложкой с кубическими мальчиками остался обыкновенный петербургский мальчик, беспомощный и грустный, как-то по-женски несчастный и... безалаберный, интимно и нервно рассказавший нам о Петербурге... и о себе... изнервничавшемся, усталом и больном» [6, с. 43]. Обращалось внимание на противоречие с жизнотворческим духом футуризма: контрастны житейский облик поэта, «аккуратного», «благоразумного», «корректного» и его лирического героя, одержимого идеей вины и покаяния. Мотив «жгучего стыда» от «скрытых и явных недостатков», разрастаясь, приобретал в сборниках «Самосожжение» гиперболизированные формы с резкими переходами от религиозного экстаза к сильнейшему напряжению эротического чувства (объект которого выступает у Рюрика Ивнева как аноним, лишенный конкретных примет, в том числе и по признакам пола): по самохарактеристике героя Рюрика Ивнева он – «грязный», «негодный» и «отъявленный мерзавец» с душой «Аракчеева и крепостника, изможденный, полоумной, неправильно поставленной». Чувство сладостного смирения, готовность принять любое, самое мучительное страдание в поэзии Ивнева критики сравнивали с сектантским самобичеванием («флагеллант от стиха» [6, с. 42]; находили в нем «кликушество» [4]; «что-то от древнего юродства» [7]; писали, что в Рюрике Ивневе зажигается религия футуризма [8].

В «Новом журнале для всех» утверждалось: «Религиозный экстаз... полонил поэта и ему трудно выйти из этого кольца» [9]. С. Городецкий писал: «Хороший документ крайней неврастении... в этом сладострастии самоунижения... есть капля Руси... Времен Ивана Васильевича» [10]. Н. Венгров заявлял: «Это испуганная, стремящаяся дойти до последней обнаженности исповедь... обезумевшей от сознания своей мерзости души», в которой «не-что от карамазовщины, передоновщины» [11]. Резкую оценку лирика Рюрика Ивнева получила в отзыве З. Гиппиус в 1918 г., которая заявила, что «Рюрик Ивнев – ничтожный, неврастеничный поэт» [цит. по: 12].

В духе экзистенциализма Рюрик Ивнев, увлеченный тогда философией Л. Шестова, показал свое мучительное боление Богом, религиозную тревогу,

границы человеческой личности. Он считал, что разум человеческий ненадежен, жизнь неумолима, ничего нельзя изменить [13, с. 144–306]. Никто из критиков дореволюционных лет, однако, не понял сложных духовных исканий поэта. Идеологизируя своеобычность душевной коллизии лирического героя Рюрика Ивнева, критика увидела в нем черты времени – «карамазовщину», «передоновщину». Отмечалось вместе с тем, что Рюрик Ивнев обладает своим голосом: у него «все свое», он «никому не подражает» [14, с. 31]. Его герой сравнивался с библейским «козлом отпущения», который принимает на себя всю вонь и грязь ... российской современности» [14, с. 28]. Это же отмечалось в рецензиях Н. Венгрова [15], В. Шершеневича [16]. В. Шершеневич в своем обзоре литературы за 1913 г. назвал книгу Рюрика Ивнева «Самосожжение» «многообещающей», ее автор «при работе, вероятно, одарит нас чем-нибудь замечательным» [17]. В связи с ранней поэзией складывается миф о Рюрике Ивневе как певце гомосексуального садомазохизма, что в советское время приводило к запретам его первых сборников, к их замалчиванию, заставляло критиков писать о поэте неправду. Подобные оценки поэзии Рюрика Ивнева преобладали в литературоведении вплоть до начала 1990-х гг.

Зарубежное литературоведение, как и литературоведение советское, по сути дела, варьировали оценки творчества Рюрика Ивнева критики предреволюционных лет. Показательна книга американского исследователя русского футуризма В. Маркова, с недоверчивостью отнёсшегося к обращению Рюрика Ивнева в большевики. Он сурово характеризует раннее творчество поэта: «Поэзия Ивнева восходит к Александру Блоку и Михаилу Кузмину. Он – один из немногих русских поэтов-мужчин, стихи которого напоминают стихи Ахматовой. Следующие две строки книги «Пламя пышет» вполне дают представление о его творчестве: «Я в душе своей, как в земле изрытой, / Копашусь руками измученными». Ивнева болезненно влекло к страданиям, и не только к своему собственному, но и к чужому («Гибель кучера»). Ритмы разговорной речи в акцентном стихе (так называемом дольнике) и стихотворные строки разной длины не могут не привлечь к себе внимания исследователей русской поэзии, зато встречающиеся порой необычные рифмы и неологизмы выглядят данью репутации футуриста. В действительности Ивнев особого интереса к словесному эксперименту не проявлял» [18, с. 43]. «В 1913 году Ивнев издал в Москве первый "лист" (небольшой сборник стихотворений) "Самосожжения" – вероятно, самого характерного своего сочинения. Здесь жалость к себе, и болезненное отвращение, и что-то вроде молитв, и надежда на раскаяние и очищение души. Ивнев нередко пишет о Святой Руси и её святынях, но всюду в его поэзии господствует один и тот же мотив: "Господи, почему я такой плохой?". Второй "лист" "Самосожжения" был издан в 1914 году в "Петербургском глашатае", третий в 1916 году в "Очарованном страннике", после чего, добавив к трём "листам" стихи из других публикаций, Ивнев выпустил в Петрограде в 1917 году отдельную книгу под тем же названием» [18, с. 71].

В том же духе характеризуются В. Марковым последующие книги поэта: «Книга Рюрика Ивнева "Золото смерти"» была издана "Центрифугой" в 1916 г. Стихи Ивнева пронизаны мотивами отчаяния, безнадежности, разложения и грязи и мало что добавляют к уже известному нам образу поэта. Все эти мотивы нагромождены в книге без малейшей жалости к читателю. "Золото смерти" – одна из самых декадентских книг в русской поэзии, где городское предместье служит фоном для описания подробностей болезни и смерти (больница, самоубийство, могильные черви, и т.д.), кульминацией которых служит "слово сахарное – умру". В общем, совершенно не футуристическая поэзия. Последняя дореволюционная книга Ивнева – уже упомянутый сборник "Самосожжение" (Петроград, 1917), составленный из трёх ранее изданных брошюр под тем же названием. На протяжении сотни страниц Ивнев че-

редует мазохистские и истерические стихи о своей греховности с не менее истерическими мольбами к Богу» [18, с. 132].

Для советского литературоведения показателен отзыв Н. Леонтьева, автора предисловия к «Избранному» поэта, опубликованному в 1985 г.: «Это была поэзия, далекая от жизни, полная декадентских, богоискательских мотивов. В ней содержались элементы самоуничужения и какой-то внутренней раздвоенности. Поэт чернит своего лирического героя, показывает его испуганным, мятущимся, никак не связанным со своим временем, стремящимся уйти от него в мир надуманных страстей, пороков, наслаждений, религиозности» [19, с. 4; 20]. В последующие годы в связи с изменением отношения к модернизму высказывания критиков и литературоведов становятся более терпимыми, что отразилось, например, в словарных статьях о Рюрике Ивневе [21–23].

Некоторые новые штрихи в характеристику Ивнева-поэта вносят Ю. Безелянский, Е. Сахарова и ряд других современных литературоведов [24–26].

Настоящим прорывом на фоне публикаций о творчестве Рюрика Ивнева является большая статья А. Белых «Ситуация "Рюрик Ивнев". К 120-летию со дня рождения». Значение ее обусловлено тем, что А. Белых впервые в литературоведении рассматривает весь творческий путь поэта, вступая в аргументированную полемику с теми, кто пытался исказить творческий облик поэта. Весьма сочувственно он рассматривает ранние стихи Рюрика Ивнева, интерпретирует их не как проявление слабости начинающего поэта, а как определенное его достижение на путях поиска соответствующих времени художественных форм [27].

В 2014 г. публикуются первые подлинно научные статьи о раннем этапе творчества Рюрика Ивнева «Любовный аффект в ранней лирике Рюрика Ивнева» и «Короткого, горького счастья всплеск...» Р. Ивнева: принципы означивания и механизмы формирования читательской реакции». Их автор – доцент Новосибирского государственного педагогического университета Е. Тырышкина. Автор убедительно доказывает, что Рюрик Ивнев, «с одной стороны, развивал традиции декаданса, где творчество питалось травмой, самоизживанием, и – авангардизма с его ярко выраженным "ударным" воздействием» на чужое сознанием, – с другой. Работа с "оглушающей", парадоксальной метафорой связывала его с соратниками по имажинизму, к которому он формально принадлежал. Но все же не образ, как было заявлено в имажинистских ранних манифестах, а переживание как "невыразимое", воплощенное в художественном языке и форме, – вот основное содержание лирики Ивнева 1910-х-начала 1920-х гг.» [28, с. 237; 29].

Говорить о полной изученности наследия поэта нет оснований. Литературоведение явно в большом долгу перед ним. Особенно не повезло дореволюционному периоду его творчества, который по сути дела до сих пор по-настоящему объективно и научно не осмыслен.

Возникает вопрос, могла ли критика XX в. адекватно оценить лирику поэта. Ответ в целом отрицательный, поскольку на протяжении всего XX в. она была под воздействием общественно-политических факторов, важнейшие проблемы мировоззрения и исканий поэта были для нее недоступны. Лишь в начале XXI в., когда были опубликованы дневники Рюрика Ивнева, появилась возможность восстановления из их анализа замаскированного художественно-философского статуса его ранней поэзии [13].

Художественная картина мира, концепция человека и природы формировались в творчестве раннего Рюрика Ивнева под сильным воздействием трудов философов-экзистенциалистов, прежде всего, Л. Шестова. Исходя из глубинного переживания трагичности своего одинокого существования («Как я одинок, Боже, как я одинок!») [13, с. 258], Рюрик Ивнев вслед за ним выступал непримиримым критиком сложившегося в социуме образа жизни, в силу своих

основных предпосылок узаконивающего человеческие страдания. Углубленный в самонаблюдение, пытающийся утвердить себя в мире литературы, он ищет некие прочные истины, которые придали бы смысл его жизни и стали предметом горячей веры. И даже влечение лирического героя к «низости, грязи и пороку» оправдывается тем, что «от них можно оттолкнуться, как от каменистого берега, чтобы выйти в широкое море истины и добра» [13, с. 270]. Не деньги и пиршества влекут его, а какая-то смутная тоска по вере в эпоху её оскудения, в которой, как в теплой гавани, могла бы согреться и отдохнуть его горемычная душа. Анархический вызов обществу, уход в сладостный мир мечты, принижение разума в искусстве – все это, по-видимому, не только отражение уже установившихся тенденций иррационализма, направленных на подрыв престижа сознания, но и отголоски борьбы против социального здравомыслия, питавшего идеологию части русских литераторов с конца XIX в.

К 1917–1918 гг. Рюрик Ивнев робко, непоследовательно становится на путь пересмотра философских основ своего творчества, к утверждению собственных философских ориентиров: это борьба, полное отсутствие надежд (что не имеет ничего общего с отчаянием): отказ от смирения и сознательная неудовлетворенность. Намечается возвращение в современную жизнь, стандартизированную суету, ощущается потребность в действии, но о полном душевном преображении говорить не приходится. В его дневнике 1918–1919 гг. варьируются настроения предшествующих лет, поэт не может найти выход из того мировоззренческого тупика, в котором он оказался до 1917 г. Усвоенная через учение Л. Шестова философия экзистенциализма спасает его от поспешных выводов, позволяет трезво оценить роль различных политических сил в борьбе за власть в России. Например, о большевиках в дневнике он записал 15 декабря 1917 г.: «Большевизм – это самодержавие наизнанку, это хуже самодержавия. Царское самодержавие – это была держава "белой кости", а большевизм – это держава "хама", ничего общего не имеющего ни с "обездоленными", ни с "угнетенными". Ужасный жандармский дух, "удушьё". Когда думаешь о низости и зверстве этой черни, то страшно становится за человека» [13, с. 294]. Лирический герой открывает и первые свои ценности: тело, нежность, творчество, человеческое благородство. Решительный шаг по принятию революции, который удивил многих почитателей его таланта, был подготовлен всем предшествующим развитием поэта. Основными стратегиями поэзии Рюрика Ивнева 1907–1917 гг. стали общие с экзистенциализмом и экспрессионизмом тип образного видения мира (концепция мира и человека), «адогматизм» как принцип отбора, обобщения и оценки жизненного материала, резкая критика социума, «обнажение души» как способ художественного воплощения внутреннего мира лирического героя, экзатичность и предельная экспрессивность стиля, мистическое начало.

Список литературы

1. Арнс Вера // Летопись. – 1917. – № 2–4.
2. Выгодский Д. Поэзия и поэтика / Д. Выгодский // Летопись. – 1917. – № 1.
3. Пастухов В. Страна воспоминаний / В. Пастухов // Опыты. – Нью-Йорк, 1955. – № 5. – С. 81.
4. Иванов Г. «День»: приложение «Литература. Искусство. Наука» / Г. Иванов. – 1913. – 28 октября.
5. Чуковский К. Шиповник / К. Чуковский. – СПб., 1914. – Кн. 22. – С. 119.
6. Добрый А. // НЖдВ. – 1915. – № 9. – С. 43.
7. Гусман. Первые шаги / Гусман, Вл. Чернявский // Звезда. – 1926. – № 4. – С. 105.
8. Закржевский А. О. Рыцари безумия (футуристы) / А. О. Закржевский. – Киев : Петр Барский, 1914. – С. 149–155.
9. Новый журнал для всех. – 1916. – № 2–3.

10. Городецкий С. Поэзия для себя / С. Городецкий // Лукоморье. – 1916. – № 6.
11. Венгров Н. // Летопись. – 1916. – № 1.
12. Гиппиус З. Цитируется по: Прилепин Захар. Один день, один год. Заметки времен чужой смуты // День литературы. – 2014. – 9 ноября.
13. Рюрик Ивнев. Дневник. 1906–1980 / Ивнев Рюрик. – М. : Эллис Лак, 1912.
14. Абрамович Н. Я. Современная лирика. Клюев. Кусиков. Ивнев. Шершеневич / Н. Я. Абрамович. – М. : Сегодня, 1921.
15. Венгров Н. // Летопись. – 1916. – № 1.
16. Шершеневич В. // НЖдВ. – 1916. – № 2–3.
17. Шершеневич В. За полгода / В. Шершеневич // Нижегородец. – 1913. – № 254. – 22 авг.
18. Марков В. История русского футуризма / В. Марков. – СПб. : Алетейя, 2000.
19. Леонтьев Н. «Чувств взволнованность святая...» / Н. Леонтьев // Рюрик Ивнев. Избранное. – М. : Художественная литература, 1985.
20. Перцов В. Один из пяти / В. Перцов // Ивнев Р. Избранные стихотворения. 1912–1972. – М. : Малыш, 1974.
21. Богаткина М. Г. Ивнев Рюрик / М. Г. Богаткина // Русские писатели 20 века : биографический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 307–308.
22. Шошин В. А. Ивнев Рюрик / В. А. Шошин // Русские писатели, XX век : библиографический словарь : в 2 ч. – М. : Просвещение, 1998. – Ч. 1. – С. 561–563.
23. Масловский В. И. Ивнев Рюрик... / В. И. Масловский // Русские писатели. 1800–1918 : биографический словарь. – М., 1992. – Т. 2. – С. 394–396.
24. Безелянский Ю. 99 имен Серебряного века / Ю. Безелянский. – М., 2008.
25. Бавин С. Судьбы поэтов Серебряного века / С. Бавин, И. Семибратова. – М., 1993. – С. 193–197.
26. Сахарова Е. Судьбы поэтов Серебряного века / Е. Сахарова. – Режим доступа: poetrylibrary.ru/stixiya/800.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
27. Белых Александр. Ситуация «Рюрик Ивнев». К 120-летию со дня рождения / Александр Белых. – Режим доступа: [www.netslova.ru|belyh|ivnev.html](http://www.netslova.ru/belyh|ivnev.html), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
28. Tyrysckina J. Любовный аффект в ранней лирике Рюрика Ивнева / J. Tyrysckina // *Slavica Wratislaviensia* CLV111. – Wrocław, 2014. – AUWr № 3570.
29. «Короткого, горького счастья всплеск...» Р. Ивнева: принципы означивания и механизмы формирования читательской реакции // Південний архив : Збірник наукових праць. Филологічні науки. – Вып. 40.

References

1. Arens Vera. *Letopis'* [The Chronicle], 1917, no. 2–4.
2. Vygodskij D. *Pojezija i pojetika* [Poetry and poetics]. *Letopis'* [The Chronicle], 1917, no. 1.
3. Pastuhov V. *Strana vospominanij . Opyty* [Country memories. Experiments]. New York, 1955, no. 5, p. 81.
4. Ivanov G. «Den'»: *prilozhenie «Literatura. Iskusstvo. Nauka»* ["Day": app "Literature. Art. Science"], 1913, 28 October.
5. Chukovskij K. *Shipovnik* [Briar]. St. Petersburg, 1914, no. 22, p. 119.
6. Dobryj A. *NZh dV* [NGdV], 1915, no. 9, p. 43.

7. Gusman, Chernjavskij V. *Pervye shagi* [First steps]. Zvezda [Star], 1926, no. 4, p. 105.
8. Zakrzhevskij A. O. *Rycari bezumija (futuristy)* [Knights of madness (the futurists)]. Kiev, Petr Barskij publ., 1914, pp. 149–155.
9. *Novyj zhurnal dlja vseh* [A new magazine for everyone], 1916, no. 2–3.
10. Gorodeckij S. *Pojezija dlja sebja* [Poetry for yourself]. Lukomor'e [Lukomorje], 1916, no. 6.
11. Vengrov N. *Letopis'* [The Chronicle], 1916, no. 1.
12. Gippius Z. *Citiruetsja po: Prilepin Zahar. Odin den', odin god. Zametki vremen chuzhoj smutty* [Quoted from: Zakhar Prilepin. One day, one year. Note the times of foreign turmoil]. Den' literatury [Day literature], 2014, 9 November.
13. Rjurik Ivnev. *Dnevnik. 1906–1980* [Diary. 1906–1980]. Moscow, Jellis Lak publ., 1912.
14. Abramovich N. Ja. *Sovremennaja lirika. Kljuev. Kusikov. Ivnev. Shershenevich* [Modern lyrics. Klyuyev. Kusikov. Ivnev. Shershenevich]. Moscow, Segodnja publ., 1921.
15. Vengrov N. *Letopis'* [The Chronicle], 1916, no. 1.
16. Shershenevich V. *NZhdV [NGdV]*, 1916, no. 2–3.
17. Shershenevich V. *Za polgoda* [For the six months]. *Nizhegorodec* [Nizhegorodets], 1913, no. 254, 22 August.
18. Markov V. *Istorija russkogo futurizma* [The history of Russian futurism]. St. Petersburg, Aleteja publ., 2000.
19. Leont'ev N. *Chuvstv vzvolnovannost' svjataja... [Feelings of emotion, Holy...]. Rjurik Ivnev. Izbrannoe* [Rurik Ivnev. Favorites]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura publ., 1985.
20. Percov V. *Odin iz pjati* [One of the five]. *Ivnev R. Izbrannye stihotvorenija. 1912–1972* [Ivnev R. Selected poems. 1912–1972]. Moscow, Malyshev publ., 1974.
21. Bogatkina M. G. *Ivnev Rjurik* [Ivnev Rurik]. *Russkie pisateli 20 veka Biograficheskij slovar'* [Russian writers of the 20th century. Biographical dictionary]. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija publ., 2000, pp. 307–308.
22. Shoshin V. A. *Ivnev Rjurik* [Ivnev Rurik]. *Russkie pisateli, XX vek. Bibliograficheskij slovar': in 2 ch.* [Russian writers of the twentieth century. Bibliographical dictionary: in 2 hours. Part 1]. Moscow, Prosveshhenie publ., 1998, pp. 561–563.
23. Maslovskij V. I. *Ivnev Rjurik...* [Ivnev Rurik...]. *Russkie pisateli. 1800–1918. Biograficheskij slovar'* [Russian writers. 1800–1918. Biographical dictionary]. Moscow, 1992, no. 2, pp. 394–396.
24. Bezeljanskij Ju. *99 imen Serebrjanogo veka* [99 names of the Silver age]. Moscow, 2008.
25. Bavin S., Semibratova I. *Sud'by pojetov Serebrjanogo veka* [The fate of the poets of the Silver age]. Moscow, 1993, pp. 193–197.
26. Saharova E. *Sud'by pojetov Serebrjanogo veka* [The fate of the poets of the Silver age]. Available at: poetrylibrary.ru/stixiya/800.htm, pdf.
27. Belyh Aleksandr. *Situacija «Rjurik Ivnev». K 120-letiju so dnja rozhdenija* [The Situation "Rurik Ivnev". To the 120th anniversary since the birth of]. Available at: www.netslova.ru/belyh|ivnev.html, svobodnyj, pdf.
28. Tyryskina J. *Ljubovnyj affekt v rannej lirike Rjurika Ivneva* [Love the passion in early lyrics Rurik Ivnev]. Slavica Wratislaviensia CLV111, Wroclaw, 2014, AUWr, no. 3570.
29. «Korotkogo, gor'kogo schast'ja vsplesk...» R. Ivneva: *principy oznachivanja i mehanizmy formirovanija chitatel'skoj reakcii* ["Short, bitter burst of happiness..." Ivnev R.: principles of signification and the mechanisms of formation of reader's reaction]. Південний архів: збірник наукових праць. Філологічні науки [South archive: collection of scientific works. Filologos science]. Vol. 40.